

Яков Васильевич Кротов

Революционные времена Усть-Каменогорска

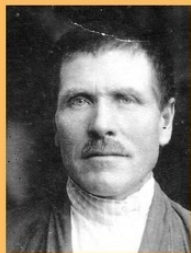
Жизнь участника событий

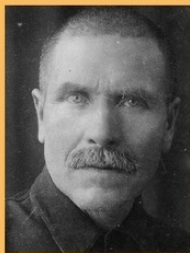
1914 год

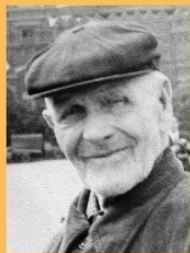
1915 год

1923 год

1935 год

1971 год

Яков Васильевич Кротов

Революционные времена

Усть-Каменогорска.

Жизнь участника событий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48710962

ISBN 9785005081360

Аннотация

Эта интересное свидетельство о первой половине XX века, а вместе с тем выразительный рассказ простого человека об участии в многосложных событиях того времени. При царизме он был сослан в Сибирь, участвовал в солдатских волнениях революционного времени, боролся за советскую власть в Усть-Каменогорске и предгорьях Алтая, спасал своих детей от репрессий тридцатых годов... Книга искренняя и эмоциональная, побуждающая сопереживать тому, что давным-давно стало прошлым.

Содержание

Предисловие	5
Мои предки	8
Из рассказов бабушки	8
Мой прадед	11
Мой дед Даниил Михайлович	12
Как жили и работали мои отцы	14
Церковно-приходская школа	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Революционные времена Усть-Каменогорска Жизнь участника событий

Яков Васильевич Кротов

составитель и редактор Виктор Гаврилович Кротов

© Яков Васильевич Кротов, 2019

ISBN 978-5-0050-8136-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подготовил к публикации: Виктор Кротов (внук).

На обложке: фото из семейного архива..

Предисловие

История этой книги началась с удивительной неожиданности.

Когда в ранней юности я стал понемногу интересоваться историей нашей семьи, отец рассказывал про своего отца, Якова Васильевича, про их жизнь в Усть-Каменогорске. Про то, что Яков Васильевич распространял книги, а в революцию был одним из организаторов первых тамошних органов советской власти, был заключён в крепость колчаковцами, бежал, пережил покушение. Про то, что погиб он под Краснодаром, партизанствуя во время Великой Отечественной войны.

Позже я стал писать запросы в архивы: нет ли каких-нибудь сведений о жизни Якова Васильевича? Архивы меня переадресовывали от одного к другому, пока не пришёл утвердительный ответ. В нём говорилось, что в архиве имеются рукописные воспоминания Я. В. Кротова, а если мне нужны сведения подробнее, то можно обратиться к нему самому по адресу: «Анапский район и т.д.». Считая, что здесь какое-то недоразумение, я написал осторожное письмо на присланный адрес. В ответ прилетела телеграмма:

«Да Витя я твой дед»!..

Оказалось, что сообщение о расстреле относилось к од-

нофамильцу, а сам Яков Васильевич после войны не сумел отыскать никого из семьи, потому что кто-то из детей погиб, у остальных изменились адреса. Он второй раз женился и осел под Анапой. Его дочь Нелли, которая приходилась мне тётей, была едва старше меня.

Летом 1970 года я побывал у него под Анапой. Дедушке было 87 лет он был крепок, и даже продолжал немного столярничать.

На следующий год он заехал в Москву, когда возвращался из Усть-Каменогорска (туда его пригласили по случаю каких-то торжеств). Не сообщив время приезда, он позвонил прямо в дверь. Приземистый, худой, голубоглазый. Рядом с ним стоял чемодан, который я еле втащил в квартиру, удивляясь, как дед с ним справляется.

По нашей просьбе Яков Васильевич написал ещё три тетрадки воспоминаний, тем более что увиденное в Усть-Каменогорске его возмутило:

– Там совсем не те считаются борцами за советскую власть, кто на самом деле её создавал. Мне просто противно стало!..

Воспоминания оказались искренними, выразительными и колоритными по стилю, но порою хронологически непоследовательными, с повторами, в каждом из которых проявлялся свой ракурс изложения. Однако и в таком первозданном виде они заслуживали всяческого внимания. Мой брат,

историк и архивист, опубликовал их на своём известном сайте «Библиотека Якова Кротова».

Лишь сравнительно недавно, перечитывая эти тексты, я понял, что эти воспоминания можно сделать доступными достаточно широкому читателю, придав им более читаемый вид. Для этого я свёл все тексты в единое по хронологии повествование и разбил на смысловые главы и главки, указывая, где можно, примерный временной интервал событий. Стилистическая правка была минимальной и касалась, в основном, знаков препинания. Естественно, я ничего не добавлял от себя, кроме простых заголовков, с которыми, думаю, вполне согласился бы Яков Васильевич: большей частью они были взяты из его собственного текста.

Теперь, когда постепенно оказалось, что некоторые члены нашей семьи стали людьми пишущими, особенно интересно обратиться к тому, кто стал первым звеном этой цепочки.

Следующим звеном стал сын Якова Васильевича, Гавриил Яковлевич Кротов, книга которого «Три поколения» во многом пересекается с событиями, описанными здесь. В этом издании приведены некоторые его примечания, оставленные на полях рукописи Якова Васильевича.

Виктор Кротов

Мои предки

Из рассказов бабушки

Родился я в 1883 году 4-го октября в семье рабочих.

О моих предках я узнал из рассказов моей бабушки Ирины Савельевны, уроженки села Коначенки, стоявшем на возвышенности реки Белой. Ирина Савельевна любила рассказывать про своё поколение. Рассказывала, что ее свёкор, отец её мужа Даниила Михайловича (моего деда), звали его Михаил Андреевич (мой прадед), был крепостным помещика Мосолова. На север они перебрались до освобождения 1861 года, когда стало невозможно жить из-за побоев, розог и других издевательств со стороны помещиков и управляющих. Его считали хуже всякого животного, били и пороли, кому он прислуживал, вместо пищи получал побои.

Михаил Андреевич работал ямщиком на тракте Глазов – Залазнинский завод¹, гонял земские подводы, то есть под-

¹ Кайско-глазовский тракт, первая «государственная» почтовая дорога, прошедшая по территории нынешнего Омутнинского района с юга на север. Построена в середине XVIII века, связывала уездный город Глазов с Каем (и далее в Великий Устюг и Пермские земли). Проходила через Кирсинский, Песковский, Залазнинский заводы, деревни Ренёвскую, Морозовскую, Хробыстовскую и другие. На рубеже 1880-1890-х гг. Залазнинские заводы приобрёл «винный король» России Альфонс Фомич Поклёвский-Козелл. (прим. ред.)

воды, содержащиеся земством. Возил на земских лошадях господ и чиновный люд.

Ямщик был крепостной мужик, а подводы казённые... Часто бабушка рассказывала мне, как самодуры чиновники и бояре расправлялись с ямщиками, с их жёнами и дочерьми, которые обслуживали проезжавших барских прихвостней. Едет какой-нибудь самодур под хмельком, и всё приготовленное и поданное на стол ему не нравится. Если яйца не того вкуса, то эти яйца бросаются в лицо обслуживающей. Жаловаться было некому, а муж или отец не имели права защитить дочь или жену, а то ему всыпят розог или нагаек. Отказываться было нельзя, а то хуже будет.

Таким-то образом крепостные люди бежали в глухие леса, чтоб хоть в тяжёлых условиях, но жить без побоев. В дебрях обрабатывали клочки земли, что могли они отвоевать у тайги, ловили рыбу мордочками (приспособление для рыбной ловли), ловили в силки рябчиков, косачей.

Старались жить тише, чтобы не проведали пристава. Кого же обнаруживали, того, как говорила бабушка, возвращали к помещику. Жили тихо, чтоб не обнаружили, ютились по два, по три двора, занимались охотой, ну и по возможности обзаводились хозяйством. После освобождения от крепостной зависимости стали из отдельных стойбищ создавать починки, то есть объединять свои жилища и обрабатывать землю. Начальство брало эти починки на учёт и облагало податями в доход казны. Север был богат не только лесами,

но и рыбой, и дичью, а также такими деревьями, как черёмуха, рябина, ягодами малины, клюквы, и даже рудой.

Как водится, где люди, там и охотники за чужим трудом. Появились заводчики, купцы и урядники с начальниками. Когда население возросло, начали строить заводы. Народ стал сосредотачиваться вокруг заводов лесопромышленников на реках. Люди стали приобретать специальности лесорубов, рудовозов. Конечно, росло население, а также число людей – любителей наживы.

Мой прадед Михаил Андреевич

Михаил Андреевич был грамотен, читал книги. Конечно, книги были церковнославянского письма. Даже осталась от него книга «Псалтирь», с готическими буквами под титлами, то есть вместо «БОГ» писалось «Б'Г'. Эта книга хранилась не у старшего сына Даниила Михайловича, а у Киприана Михайловича. У Михаила Андреевича было три сына: Даниил, Киприан и Илья. Дети Михаила все были безграмотны. Два брата – Киприан и Илья – работали на заводе Залазнинском, принадлежащем заводчику Мосолову. Жили они по соседству в трёх хозяйствах. Илья умер молодым. Даниил и Киприан жили до глубокой старости.

У Даниила родился сын Василий и две дочери – Дина и Анна. У Киприана родился сын Прокопий и две дочери – Анна и Дарья. У Ильи родился сын Дмитрий.

Жили все в одной деревне, называлась она Ренёвской. Стояла деревня на взгорье, внизу текла речушка Ренёвка. От села речка находилась с километр. Она служила всем жителям деревни водоснабжением, она же служила купальней летом, а зимой местом полоскания белья и водопоем скота.

Мой дед Даниил Михайлович

Даниил Михайлович, мой дедушка, был охотник и пасечник. Пасеку, то есть ульи со пчёлами он вешал на высокие деревья, там и гнездились пчёлы. Осенью ульи вскрывались, и мёд забирали, оставляя только на питание пчёл зимой. Ульи же обвязывали матами из ржаной соломы и камыша.

Как я помню, после смерти моего деда осталось много ульев, – круглые долблённые колоды, которые подвешивались на деревьях и привязывались, чтобы не мог медведь достать (медведи страстно любят мёд). Во дворе дома оставалось до сотни ульев с невыломанными сотами. Мой отец Василий Данилович не интересовался дедушкиным хозяйством. Несколько лет из ульев выламывали пчелиные соты, перетапливали на воск и сдавали в церковь на свечи. Бабушка только качала головой, и нередко у неё бежали слёзы из глаз.

Как мой дед умер и его хоронили, я не помню, но как ходил возле ульев, поколачивая легонько палочкой, запомнил. И помню, что он был болен. Старенький, он плёл лапти, не сидя, а стоя на ногах: у него болела спина. Когда он умер, мне было, наверно, года три-четыре. Даниил Михайлович, по рассказам бабушки, Ирины Савельевны, умер восьмидесяти трёх лет отроду, умер, как выражалась бабушка, скоропостижно. Ирина Савельевна ещё жила долго, нянчила нас с братом Павлом, который был старше меня на четыре года.

Даниил Михайлович всегда, по рассказам бабушки, занимал выборные должности в районе. Был вахтёром, то есть хранителем общественных запасов хлеба. Была установка на время неурожая: собирали хлеб, зерно урожая, и хранили его при волости в магазеех (складах). Вахтёр, то есть доверенное лицо волости, этот хлеб принимал и через каждые три года зерно обменивали на новое зерно. В период нужды выдавали по решению волостных властей ссуду.

Как жили и работали мои отцы

Когда появились заводы, окрестные жители, не имевшие возможность обрабатывать землю, устраивались на заводы рабочими. Как земледельцы севера, так и заводские рабочие получали мизерное жалование – в среднем восемь рублей в месяц. Рабочие на заводе: углевоз, углежог, рудокоп, рудовоз. Они имели кредит забора продуктов в заводской лавке до двухмесячного заработка. Причем все продукты в магазине стоили на 20% дороже. Таким образом, рабочий всегда был должен заводу.

Конечно, человек, который имел возможность обрабатывать землю, имевший коров, овец, лошадей, жил неплохо. Но земля распределялась по душам мужского пола, женщины землей не наделялись.

Подати платили по душам, а безлошадный землю не мог обрабатывать да и расчистить её от леса не мог, так как работал на заводе: летом заготавливали дрова для угля, зимой жгли уголь. За заготовку дров, уложенных в поленнице по 4 кубометра, получали 50 копеек. Или, если человек имел лошадь, он получал один рубль за уголь в 20 пудов весом. Если при проверке недоставало веса 10—20 фунтов, то контора принимала этот уголь за $\frac{3}{4}$ цены.

А рабочий завода, если опоздал на работу, штрафовался на $\frac{1}{4}$ дня, то есть получал зарплату за $\frac{3}{4}$ дня. Рабочий был

вынужден работать так как земли были очень неплодородны и без удобрений давали плохой урожай. Урожай мог получить только тот, у кого были лошадь, корова, овцы. Так шла жизнь бедняка, а богатый от своего богатства богател.

После смерти стариков все сыновья работали. Прокопий Киприянович на заводе Омутнинском, а также Василий Данилович и Дмитрий Ильич для этого же завода жгли и доставляли уголь. Мы с отцом и Дмитрием Ильичом работали вместе. Потом и я уже на работу ходил со старшим братом Павлом и отцом. Заготавливали дрова для выжига угля и от заводской конторы получали аванс в счёт доставки угля в зимнее время, так как летом проехать по тайге было невозможно не только на санях, но даже верхом на лошади.

Так жили, работали, да молились бога. Ходя каждое воскресенье в церковь за три-четыре километра от нашей деревни. В праздники отцы напивались, дрались с матерями, изливая своё горе и нужды на своих женах.

Росли и жили безграмотными, несли повинности в обслуживании господ. Огораживали господские леса и угодия, чтоб не попала на господскую землю твоя корова или лошадь и чтоб не платить штрафа. Огороды строили миром, имел кто дров или не имел, как бедняк, так и зажиточный, на одинаковых правах.

Из всей моей родни только мне посчастливилось попасть в школу.

У помещика была установка: объездчик задержал коро-
ву – штраф, лошадь – штраф, задержал порубщика в лесу –
тюрьма, хотя бы эти люди работали на него же.

Жили во славу божию.

Раб не больше господина, кто больше имеет, у того умно-
житься, а кто мало имеет, у того отнимется. Жители дере-
вень и починков, обрабатывая землю, платили подати за зем-
лю, занимаемую застройками, платили как жители богатые,
так и бедные, с души мужского пола, хотя бедняк хлеба не се-
ял, а платил одинаково с зажиточным.

Так «процветала» жизнь рабочего, жившего на землях
господ, на которого работали, получая шесть рублей в месяц
за двенадцати- и четырнадцати-часовой трудовой день. Бо-
лее ничего не получая, кроме штрафов за опоздания на ра-
боты, за недогрузку веса короба угля. Школ не было, зато бы-
ли две церкви: одна православная, другая старообрядческая.
Там проповедовали любовь к ближнему и терпение, за что
обещали счастливую райскую жизнь после смерти.

Среди людей сеяли вражду эти же самые попы. Право-
славный для старообрядца был еретик, то есть враг, старооб-
рядец не имел права даже кушать с православным за одним
столом, пользоваться ложкой православного, хотя и верили
в одного бога. Так насаждалась культура. За всякое свободо-
мыслие тюрьма, ссылка в Сибирь и т. д. Что нам могли дать
наши деды и отцы? Ничего, кроме водки и вражды!

В такой обстановке я рос до девяти лет.

Церковно-приходская школа

В 1880-х годах начали строить при церквях школы грамоты. В 1893 году брата Павла женили, а меня, по совету моего крёстного, Демида Кирилловича, устроили в церковно-приходскую трёхклассную школу. Она от нас находилась в четырёх верстах. Церковь у нас находилась в трёх верстах, стояла на горе Белок.

Тот год нас в школу из нашего починка пошло семь человек, то есть мальчиков. Девочек тогда не учили, не полагалось по правилам и понятиям того времени. Зиму мы кое-как проходили, а на вторую зиму нас в школе осталось только двое, я и Андрей Николаевич, оба Кротовы. Наши с Андреем семьи очень дружили! Хотя работали на разных заводах – мой отец работал на заводе Омутнинском, а отец моего товарища Андрея Николаевича на заводе Залазнинском. Обе семьи работали на выжигании угля.

Наше школьное обучение было устроено благодаря учительнице Марии Васильевне Малыщуковой из мещан города Глазова, в то время находившегося среди вотяцкого народа (удмуртского). Благодаря этой учительнице мы научились многое понимать в ином свете. Наша учительница всегда была среди нас и в часы занятий, и по вечерам, так как со школой вместе находилось наше общежитие. Все ученики, живущие далеко от школы, жили в общежитии, пристроенном

к школе, в селе около церкви. От понедельника до субботы жили там, спали на полатах, или кто как устроится. Учительница жила при школе там же. Мария Васильевна часто читала нам по вечерам книги и кое-какие рассказы из журналов «Русское слово», «Русский паломник, а также книги Водозова. Я очень любил её чтение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.